А.Ю. Зудин

Очерки идеологии развития

Внутри современного мира

В мировом развитии происходит перелом. Тенденции, направлявшие развитие человечества несколько сотен лет, а некоторые – на протяжении всего последнего тысячелетия, замедляются или обращаются вспять. Привычные системы координат, помогавшие оценивать перемены, утрачивают свой смысл. В исторических центрах модернизации Запада индустриальное общество уходит в прошлое, замещаясь постиндустриализмом, «экономикой услуг» и «обществом знаний». На памяти предыдущего поколения утратило былое значение противопоставление промышленности сельскому хозяйству, науки – производству, города – деревне. Началось и принципиальное изменение отношений между человеком и природой. Ранее расширение пространства свободного действия постоянно увеличивало дистанцию, отделявшую человека от мира природы. К настоящему времени противопоставление человека природе утрачивает былую обоснованность, становятся все более очевидными способность человека вызывать глубокие изменения окружающей среды и его природная обусловленность.

Нынешнее поколение становится свидетелем новых перемен – но в том же направлении. Глобализация финансовых, информационных, товарных и миграционных потоков связала в единое целое самые отдаленные уголки современного мира. Понятия «центр» и «периферия» обрели подвижность и утратили жесткую пространственную локализацию. Чуткие к малейшим колебаниям финансовые рынки, став глобальными, потребовали нового укрепления государства. Универсалистские ценности способствуют стандартизации жизни в общемировом масштабе – и порождают новый запрос на различия и уникальность. По мере продвижения к новым горизонтам познания, расширения присутствия науки и технологии в повседневности, рационализация жизни, похоже, достигает своих естественных пределов. На новой основе начинают утрачивать определенность границы, отделяющие сознание и тело человека от живой и неживой природы. Противопоставление науки и религии теряет прежние основания: все более настоятельным становится признание взаимной связи и взаимодополняемости знания и веры. Становится бессмысленным и привычное противопоставление «устоев» и новизны, все более явственна неразрывная связь традиций и творчества.

Расширение границ мира, созданного человеком, завершилось. Отныне все пространство жизни стало рукотворным. На Земле построен мир, замкнутый на человеке. Выход из мира природы, неподвижных и самоочевидных традиций завершен. Сохранение и развитие рукотворного мира перешло в полную зависимость от человека. Сосредоточение в руках человека постоянно возрастающего могущества расширяет пространство возможностей, но вместе с ними – и зону потенциальных рисков, с которыми все больше сопряжена жизнь рукотворного мира. Неустранимая часть мира, созданного человеком, – неопределенность, непредвиденные последствия человеческих действий и расширенное пространство риска. Одна из центральных опасностей – «пагубная самонадеянность»: искушение собственной силой и текущими возможностями своего разума. Помимо множества «людей-творцов», рукотворный

мир населяют силы, которые были вызваны к жизни действиями человека, но не контролируются им. В списке глобальных угроз прочное место заняли опасность ядерной войны, техногенной и экологической катастроф, распада или фрагментации исторически сложившихся государств. Став рукотворно сложным, мир подошел к опасной границе, за которой неизбежно возникают состояния хаоса.

Ни родовое будущее человечества, ни коллективное будущее больших, исторически сложившихся сообществ («наций») отныне не гарантированы. Теперь и будущее человеческого рода, и будущее конкретных наций нужно постоянно завоевывать. Воспроизводство «предельных» основ человеческого существования перестало быть «естественным» и самопроизвольным, теперь им требуется постоянное и целенаправленное воссоздание. В постоянно расширяющемся пространстве новых возможностей и рисков настоятельной задачей становится поддержание динамичного социального порядка. Представления о развитии и представления об «устоях» нуждаются в принципиальном, масштабном, глубоком переопределении. В исторических центрах модернизации происходит размывание, внутреннее опустошение старых оппозиций, привычные противопоставления утрачивают свой смысл. Новая эпоха человеческой цивилизации все больше требует новой системы ценностей.

Путь в современность питался противоборством двух основных исторических идеологий – либерализма и консерватизма. (Левые идеологии стали одним из ранних, но радикальных, вариантов их синтеза.) История современности показала, что консервативные ценности оказались неустранимы из развития общества и государства. Первоначально консерватизм отличался идеологической неконсолидированностью, высокой зависимостью от контекста: конфигурация консервативных ценностей, их взаимоотношения с ценностями либеральными во многом определялись особенностями конкретных ситуаций в отдельных странах. Традиционные ценности участвовали в строительстве современности преимущественно пассивно, помимо собственного желания. «Старый» консерватизм не был устойчивой идеологией, скорее он был политической практикой, которую отличало согласие на второстепенные изменения, которые разрешались и проводились в виде исключения. Носителями традиционно-консервативных настроений выступали социальные группы, удовлетворенные своим местом в общественном порядке, и немногочисленные интеллектуалы, испытывавшие беспокойство и страх перед переменами. «Старый» консерватизм заслужил репутацию политики «торможения перемен».

Со временем место консерватизма в историческом развитии начинает меняться. Все чаще возникают различные варианты синтеза традиционных и новых ценностей, которые ранее были эпизодическими. Консерватизм начинает превращаться в социальную идеологию, ценности которой видоизменяются под влиянием либерализма и сами оказывают воздействие на своего идеологического соперника. Утверждение современности сопровождалось превращением различных версий либерально-консервативного синтеза в основу социального порядка в исторических центрах модернизации. Начинается идеологическая модернизация консерватизма. Его содержание все больше определяется не столько «воспоминаниями о прошлом», сколько осмыслением внутреннего опыта развития западных обществ. Со второй половины XX века происходит поворот к новой парадигме развития, для которой характерно постепенное повышение роли консервативных ценностей, включающихся в общественный запрос на модернизацию.

К настоящему времени модернизации с активным участием консервативных ценностей имеют солидную предысторию. Консервативными модернизациями с полным правом можно считать преобразования, которые полвека назад последовали вслед за крахом тоталитарных и авторитарных режимов. После 1945 года в Германии, Японии и Италии модернизация осуществлялась консервативными политическими силами. Аналогичной была и более поздняя «голлистская» модернизация Франции. При всех различиях их объединяло главное: острое понимание необходимости масштабных перемен и категорическое неприятие радикализ-

ма – масштабного насилия над обществом вне зависимости от того, какая идеология вдохновляет это насилие, левая или правая. Собственно говоря, эти два принципа и образуют ценностное ядро консервативной модернизации.

Новый поворот к современному консерватизму в исторических центрах модернизации происходит под влиянием глобализации, ее эффектов и императивов. Глобализация финансовых рынков, возросшая подвижность капитала, утверждение «общества знания» и «экономики услуг», новая проницаемость национальных границ, становление единой информационной среды, мощные товарные и миграционные потоки, усиление конкуренции – все это делает императивным масштабную перестройку государства и общества. С начала 1980-х годов Запад охватывает новая волна модернизации, начавшейся в Великобритании и США. Пришедшие к власти элиты готовили свои страны к тому, чтобы жить и действовать в глобальном мире. Преобразования, получившие название «неолиберальных», осуществлялись политическими силами, которые позиционировали себя и воспринимались другими как «неоконсервативные». В конце XX века либерализм смог вернуться к власти только в союзе с консервативными ценностями. Так появился синтез либерализма и консерватизма эпохи глобализации, в котором по-разному, в зависимости от особенностей национального опыта, происходит соединение традиционных и современных ценностей.

С этого времени различные варианты «глобализационного синтеза» утверждаются в качестве магистрального направления в идеологии и политике развитых стран. Какие партии ни приходили бы к власти, политический курс государств реализуется в рамках, которые были заданы синтезом консервативных и либеральных ценностей. Новый идеологический синтез политически воплощается не всегда последовательно и не всегда успешно. Его конкретные версии не отличаются высокой устойчивостью. Но показательно и другое: в случае распада сочетание консервативных и либеральных ценностей постоянно воссоздается в новых формах.

«Глобализационную» версию либерально-консервативного синтеза отличают важные особенности. Этот синтез не только господствует в центре идеологического спектра (неоконсерватизм, неолиберализм), но и активно проникает на фланги, пропитывая альтернативные идеологии («зеленые» идеологии, «третий путь»). Став современным, консерватизм начинает замещать либерализм, который, со своей стороны, опустошается или радикализируется (либертаризм, «новые правые»). И вряд ли это происходит случайно. После того как человеческий мир окончательно стал рукотворным, «большая» историческая миссия либерализма завершилась. Принципиальное противопоставление устоев и инноваций утратило смысл: и те, и другие обрели статус ценностей и единый источник в лице автономной личности. Появилась новая фундаментальная проблема: в какой степени инновации, инициируемые личностью или группами, согласуются с ценностями исторически сложившихся сообществ, частью которых они сами являются. Принципиально важно, что эта проблема возникает не в связи с переходом от традиционного мира к современному («рукотворному»), а уже внутри современного мира, развитие которого предполагает не только инновации, но и воссоздание устоев на каждом новом этапе развития. Это, в свою очередь, предполагает реконфигурацию, а не разрыв с историей и традицией.

Вне связей с консервативными ценностями современный либерализм не имеет позитивного решения проблемы поддержания социального порядка в ходе модернизации. Несмотря на превращение автономной личности в центр рукотворного социального порядка, либерализм продолжает и дальше освобождать человека от принадлежности и различий, привязанностей и ценностей, которые находятся за границами индивидуального существования. «Освобождение» уже освобожденной личности подталкивает к утрате человеческого облика. Либерализм эпохи глобализации теряет историческую связь с индивидуальной свободой и способность к конструктивному преобразованию мира. Он превращается в «философию анонимных финансов», слившуюся с постмодернистским мироощущением и жизненным стилем.

«Поздний либерализм» все больше производит не развитие, а хаос – как по

всему миру, так и у себя дома, в исторических центрах модернизации. Он разобщает, выхолащивает, опустошает и разрушает. Последовательное преодоление принадлежности и различий, прежде всего исторически приобретенных, а не просто заданных антропологическими свойствами человека, ведет к уничтожению сложности, подталкивает к переходу в состояние социального распада – и общества, и личности. Показательно, что в самих исторических центрах модернизации устойчиво утвердились сменяющие друг друга различные варианты либерально-консервативного синтеза, в то время как на остальную часть современного мира, которой отводится роль периферии, происходит экспорт либерализма в его тупиковых формах – разрушительных, радикально-либеральных, или вырожденных, либертарианских или постмодернистских. Социальные последствия «позднего либерализма» начинают напоминать старый капитализм XIX века и активизируют радикальную идеологическую периферию.

В обозримом будущем роль современного консерватизма в исторических центрах модернизации будет увеличиваться. Глобализация – это только начало. Впереди масштабная реконфигурация мировой системы. Возникновение новых проблем в «старых» центрах модернизации и становление новых центров экономического роста изменили мировую повестку. Все более актуальным становится выработка моделей развития, адекватных сложному обществу, включенному в глобальную систему связей. Современный консерватизм обладает большей способностью справиться с этой задачей. Повсюду в мире обретают актуальность консервативные ценности, связанные с государством, безопасностью, семьей, порядком, силой, коллективной идентичностью. Продолжается и внутреннее развитие консервативной идеологии. Консервативная мысль начинает признавать ценность «коллективного будущего», которое окончательно замещает «прошлое» в качестве своего смыслового центра.

Консолидация социального порядка, преобразованного глобализацией, становится возможной только на основе новых консервативных ценностей. На этапе реконфигурации мировой системы и реконструкции социального порядка в «старых» и новых мировых центрах консерватизм превращается в «естественную» идеологию сложного общества, встроенного в динамичный глобальный мир.

Принципы консервативной модернизации

В центре внимания консервативной мысли всегда были «устои» – фундаментальные основы общества и государства. Современная эпоха расширила ценностные основания человеческой цивилизации. Отныне «развитие» превратилось в такую же часть базовых ценностей, как и «устои». Идеал консервативной модернизации – устойчивое развитие. Задача консервативной модернизации России – заложить прочный фундамент современной экономики, общества и государства, который позволил бы освободиться от исчерпавшей себя модели развития, построенной на чередовании «застоя» и насильственного обновления, обманчивой «оттепели» и бесплодных «заморозков». Задача консервативной модернизации – вывести Россию на траекторию устойчивого некатастрофического развития.

Идеология консервативной модернизации покоится на двух основаниях – она включает как ценности традиционного консерватизма, так и ценности современности. Традиционный консерватизм представлен ценностями семьи, коллективной идентичности, государства, ответственности, безопасности, уважением к частной собственности, пониманием значения «силы» в системе, которая основана на верховенстве права, признанием неустранимой потребности человека в абсолютных нравственных ценностях, основой которых выступает религия. Эпоха современности сделала равноправной основой человеческой цивилизации целое созвездие ценностей, связанных с «развитием», – свободную личность, выбор и творчество, многообразие и ориентацию в будущее.

Идеология консервативной модернизации представляет собою такую форму соединения, при которой различные базовые ценности – вне зависимости от источника и

обстоятельств своего происхождения – взаимно проникают и модифицируют друг друга. Участвующие в синтезе консервативные и либеральные ценности приобретают новые свойства. Консервативный модернизационный синтез обусловлен фундаментальным изменением самих условий человеческого существования в мире и востребован новым этапом глобального развития.

Консервативная формула перемен всегда конкретна: ее требуется определять каждый раз заново, с учетом времени, пройденного пути и перспективных целей. Круг ценностей и целей, которые нуждаются в приоритетном внимании, актуализации и реализации, не может быть определен заранее раз и навсегда. Определение конкретной формулы консервативных перемен – это всегда новый и ответственный политический выбор. Консервативная модернизация – это умные перемены.

Отправная точка идеологии консервативной модернизации – признание постоянства перемен. Перемены неизбежны. Это фундаментальное условие социальной жизни. Социальный порядок не должен создавать принципиальных препятствий для постоянных перемен. Содержание перемен и их внутренний смысл определяется благом самих участников, а неотъемлемая часть этого блага – возможность оставаться самими собой благодаря развитию.

Главное в идеологии консервативной модернизации – это особая модель перемен, соответствие которой превращает перемены в полноценное развитие.

Перемены должны быть своевременными: необходима точная и ответственная политическая диагностика. Неприемлемы ни форсирование перемен, ни их искусственное сдерживание. Насильственные перемены и разнообразные виды «подмораживания» общества, направленные на искусственное сдерживание перемен, – совсем не антиподы, а «близнецы». Нахождение необходимого баланса, меры – результат политического выбора, ориентированного на определенную систему ценностей.

Перемены должны быть постепенными. В противном случае перемены оборачиваются насилием – и никакие риторические ухищрения не смогут это скрыть. Выбор в пользу эволюционных перемен продиктован не отсутствием воображения или воли, а политической ответственностью, приоритетом общественного блага над частными интересами, моральным долгом и исторической памятью. Любые революции, «снизу» или «сверху» – продукт меньшинств: они порождаются эгоизмом и безответственностью одних, нетерпением и нетерпимостью других, дезориентацией и отчаянием третьих. От насильственных перемен всегда выигрывает меньшинство, и только эволюция в состоянии надежно позаботиться о большинстве.

Преимущества эволюции очевидны: это экономия конфликтов, снижение издержек развития, сокращение человеческих потерь, это выбор лучшего в конечном счете варианта. Именно эволюция дает оптимальное качество перемен – глубину, масштабность и устойчивость. При эволюционных переменах позитивные эффекты широко распространяются в обществе. Именно эволюция, а совсем не революции, порождает самые глубокие перемены. Там, где в приоритетные ценности на равных основаниях включаются инновации и традиции, личность и устои исторически сложившегося сообщества, тип развития становится «консервативным», вне зависимости от того, как именно он сам себя называет.

Постепенность перемен означает не замедление продвижения вперед, а возможность и желание выбирать скорость перемен. Консервативная формула перемен предполагает «разноскоростную» модель модернизации, которая позволяет совмещать различные темпы развития, сообразно состоянию различных секторов общества.

Перемены должны быть соразмерными тому состоянию, в котором находятся люди, участвующие в переменах. Конкретные цели перемен должны быть реалистическими и соответствовать текущему состоянию и возможностям общества. Санкционируются такие изменения, которые продиктованы внутренними потребностями общества и могут быть поняты и приняты основной его частью. В том, что касается ценностных и институциональных основ, консервативная модернизация предполагает сознательную и принципиальную ориентацию на постепенные и последовательные перемены.

Принцип соразмерности также означает возможность участвовать в переменах сообразно степени своей заинтересованности и готовности. Люди вправе сами определять меру и масштабы участия в инновациях и традициях. Полная вовлеченность – удел энтузиастов-одиночек, который они выбирают добровольно. Применительно к модернизации принцип соразмерности закрепляет отказ от «сплошной» и принудительной мобилизации и выбор в пользу дифференцированного участия в переменах. Принцип соразмерности делает возможным «разноскоростную» модель развития.

Перемены должны быть равномерными (солидаризм). Модернизационное развитие неизбежно порождает неравномерность, но может продолжаться только в том случае, если станет равномерным. Равномерность развития может быть восстановлена лишь в результате подчинения определенной системе ценностей, что достигается при помощи политического руководства. Консервативная модернизация предполагает распределение позитивных эффектов развития среди основной части общества и справедливое распределение издержек перемен. Солидаристский принцип консервативной модернизации делает возможным эволюционную модель социального развития: «вперед идут все». Солидарность предполагает восстановление доверия в обществе: между большинством и динамичным меньшинством, между обществом и государством. Принципы соразмерности и равномерности позволяют проводить перемены, опираясь на долговременную поддержку социального большинства.

Перемены должны быть ценностно ориентированными. Цивилизованность определяется мерой свободы – способностью отдельного человека и исторически сложившихся человеческих сообществ самим определять собственную судьбу, а не подчиняться внешним обстоятельствам, самим инициировать и направлять перемены, а не выступать их невольным участником. Цивилизованность определяется способностью управлять переменами. Альтернатива переменам, которые лишены ценностного стержня, – это насилие и хаос. Ценности обеспечивают направленность перемен на общественное благо, выбор такой формы перемен, которая не разрушает личность и общество, а способствует их развитию.

Современный российский консерватизм выступает против лукавого отождествления «перемен» и «развития». Перемены безальтернативны, они могут быть какими угодно, приносить и благо, и зло. Перемены ради самих перемен означают отказ от свободы – способности выбирать, руководствуясь индивидуальными и коллективными ценностями. Перемены ради самих перемен – это знак отчаяния, знак выбытия из цивилизованного состояния и капитуляции перед хаосом, это размен периодических катастроф на царство хаоса.

Развитие – это всегда управление переменами, которое ориентирует перемены на определенные ценности и подчиняет определенным целям. Развитие – это результат руководства переменами. Эволюция в человеческом мире отличается от эволюции в мире природы. Природная эволюция во многом слепа и продвигается вперед за счет безжалостной отбраковки неудачных вариантов. Развитие человеческого мира – это «умная» эволюция, которую постоянно направляют активные ценности. Отказ от управления переменами уничтожает сложность, многообразие и подрывает фундаментальные основы современности. Это возврат человеческого мира из состояния цивилизации в природное состояние, это путь назад, от «умной» эволюции – к эволюции «слепой».

Ценностная ориентация наделяет перемены осмысленностью, сообщает им индивидуальный и коллективный смысл. Только ценностная ориентация обеспечивает подчинение перемен общественному благу, открывает, а не закрывают возможности для развития, способствует многостороннему обогащению личности, усилению общества и государства. Перемены, разрушающие личность, общество и государство аморальны, незаконны и недопустимы.

Развивающийся социальный порядок нуждается в руководстве, которое обеспечивает подчинение перемен определенной системе ценностей и целей. Обязательная ценностная ориентация перемен – следствие того, что мир конструируется, творится, обновляется и воссоздается заново. Пе-

ремены в жизни исторически сложившихся человеческих сообществ подчиняются коллективной системе ценностей и осуществляются посредством политического руководства переменами. Политические элиты, осуществляющие руководство, несут ответственность за ход и результаты конкретных перемен перед гражданами своей страны, государством, историей и собственной совестью.

Политическое руководство переменами не может быть произвольным. Политическое руководство означает целенаправленное порождение рамок, а не регламентаций, ориентиров, а не директив, сигналов, а не приказов. Государство – обязательный участник перемен. В переменах государство участвует вместе с обществом. Распределение обязанностей между государством и обществом носит подвижный характер. Государство руководит переменами, но не может подменять собой общество.

Перемены должны быть преемственными. Создавать новое можно только на прочном фундаменте. Это снижает потери, сокращает риски, помогает сохранять самотождественность участников. Преемственные перемены – признак эволюционного развития. Принцип преемственности политического курса образует важнейшее условие консервативной модернизации. Конкретные лидеры во власти обязаны меняться, могут меняться и политические силы, но принципы руководства национальным развитием должны оставаться неприкосновенными. Современное сложное общество, включенное в динамичный глобальный мир, может обновляться только на основе преемственности.

Ценности социального порядка

В России состояние общественного сознания все еще во многом питается инерцией советского времени: пристрастия, конфликты и дефициты ушедшей эпохи продолжают определять массовые симпатии и антипатии, ориентиры и приоритеты. Освобождение от старых ценностей сопровождалось девальвацией и деформацией личностных смыслов, консервацией или обострением старых конфликтов. Очень часто признаком модернизации объявлялось то, что не имело к ней никакого отношения: национальный нигилизм воспринимался как свидетельство возвращения в лоно современной цивилизации; бесконечные обсуждения и конфликты – как проявление политической демократии; незаконные спекуляции и расхищение государственной собственности – как развитие рыночных отношений; неспособность государства выполнять свои непосредственные обязанности – как освобождение гражданского общества и расширение индивидуальной свободы, а гипертрофированное потребление и жизнь сегодняшним днем – как воплощение современного образа жизни.

Современность общественного сознания – это «системное» качество. Это означает, что модернизация общественного сознания – длительный процесс, который требует целенаправленной и долговременной работы по всему массиву ценностей и представлений, и работа эта невозможна без участия государства. Речь идет о необходимости «выращивания» новых типов мотивации, предполагающих интеграцию индивидуальных и социетальных ценностей в мотивационные комплексы, способные придать осмысленность и полноту разнообразным формам участия в жизни общества. Но пока общественный запрос на новые жизненные ориентиры и новые смыслы, достижимые для массовых категорий граждан и способные сделать индивидуальную жизнь наполненной и полноценной, проявляет себя преимущественно негативно: в форме дезориентации молодежи, недовольства взрослых поколений доминирующими жизненными ориентирами, диспропорций на рынке труда и в потреблении. Это делает структурирование новых жизненных ориентиров в большей степени открытым для инициативы со стороны ответственных политиков и государства.

Современный индивидуализм. В постсоветский период индивидуализм фактически превратился в ведущую ценность российского общества. Но система представлений, которая связывается с индивидуализмом как жизненным принципом в общественном сознании, равно как и социальные практики, которые им порождаются, вряд ли могут быть отнесены к числу современных.

Под флагом индивидуализма воскрешаются досовременные ценности или легитимируются теневые установки советского периода. Для большинства индивидуализм воспринимается как бытовой эгоизм и неограниченное своеволие или как вынужденное состояние – бремя, от которого стремятся избавиться («нас бросило государство»). Такой индивидуализм, точнее, то, что скрывается под этим именем, – бесплодный и нежизнеспособный продукт социальной дезорганизации. Примитивный, «дикий» индивидуализм и неразвитое, подавленное личностное начало не в состоянии быть полноценными носителями ценностей современности.

Необходимо позитивное обоснование индивидуализма как одной из ключевых ценностей современного социального порядка. В абстрактной форме современный индивидуализм определяется через совокупность жизненных установок: как стремление к свободной самореализации, стремление быть хозяином своей судьбы, стремление к достижениям, наконец, как стремление к лидерству в различных сферах деятельности, участие в которых личность выбирает сама и добровольно. Но центральную роль в модернизации ценностей индивидуализма играет наращивание индивидуальной компетенции – реальной возможности самостоятельно добиваться поставленных целей. Самостоятельности придется научиться: понять ценность внутренней веры в себя и свои силы, способности к реалистической самооценке, самостоятельной разработке и реализации индивидуальных жизненных планов, самодисциплине и связанной с ней способности концентрировать усилия для достижения поставленных целей, открытости новому и готовности к обучению в течение всего активного периода жизни.

Ключевую роль в овладении самостоятельностью играют не фигуры каких-либо «внешних воспитателей», а обучение в социальных практиках, практическое освоение современных жизненных ценностей и навыков. Ценностное обоснование индивидуализма как жизненного принципа определяется неразрывной связью индивидуальных усилий и институтов. Действие через институты – безальтернативное направление реализации ценностей индивидуализма. Индивидуализм способен стать современным только в институциональном контексте, а социальные устои должны быть преобразованы таким образом, чтобы создавать пространство для индивидуальной свободы. Это предполагает, что современный индивидуализм и современные институты в российском обществе должны расти одновременно.

Ценность индивидуализма останется незавершенной, если не будет распространяться на стремление к полноте жизни, которое включает выстраивание осмысленных и позитивных социальных связей. Расширенная концепция индивидуальности, которую предлагает современный российский консерватизм, делает составной частью ценностей индивидуализма социальные связи личности: без устойчивого одобрения окружающих – «близких» и «дальних» – человек не может состояться моральной личностью и полноценным членом «большого общества». Особое внимание необходимо уделить ценностному обоснованию «места встречи» индивидуальных и коллективных ценностей: личному вкладу в общие усилия и общее благо.

Солидарность как новый коллективизм. Если массовые представления об индивидуализме нуждаются преимущественно в модернизации, то ценности коллективизма во многом предстоит «собрать» заново. К настоящему времени коллективизм практически отсутствует среди социальных ценностей, пользующихся безусловным общественным признанием. Коллективизм превратился в риторическую фикцию или синоним социального контроля, наследие советского времени, с обязательным посредником в лице государства. Буквальное заимствование ценностей коллективизма в тех исторических формах, в которых они присутствовали в нашей стране, нельзя считать продуктивным. Идеология консервативной модернизации отвергает коллективизм советского времени: его реставрация противопоказана новой современности. Необходим новый коллективизм, ценности которого также необходимо обосновать по-новому. Отправной точкой нового обоснования коллективизма призван служить тезис о том, что человеческое сообщество – естественная и необходимая среда свободной

личности, просто потому, что выступает для нее источником жизненно важных благ.

Нормативный идеал сообщества, характерный для современности, предполагает центральное положение, свободу и автономию личности. Сложное общество не может подавлять личность, не нанося ущерба себе самому. Современное общество – это социально организованная сложность, включающая различные типы коллективов, в том числе и традиционные, где индивидуальная автономия и свобода ограничены единоначалием, иерархическим построением, дисциплиной, исполнительностью и регламентацией. Это происходит в армии, на предприятии, в офисе и правительственных учреждениях. В таких коллективах нормативный идеал проявляется в том, что личность добровольно и на основе договора соглашается на ограничение своей автономии, а также в характере регламентаций: они должны быть оправданы и не должны оскорблять и унижать. Составная часть социально организованной сложности – и такие традиционные сообщества, которые складываются на основе этнической и конфессиональной принадлежности.

Наряду с коллективами и сообществами традиционного типа в современном обществе широко присутствуют и такие, которые представляют более широкие возможности для индивидуальной свободы. «Вторая» современность настоятельно требует расширения пространства для гибких «горизонтальных» сообществ, создаваемых участниками ради разработки и реализации общих проектов. Важную роль в утверждении российского общества как современного и сложного призваны сыграть социально-профессиональные сообщества, создаваемые вокруг профильных видов общественно востребованной деятельности (в науке, образовании, здравоохранении, медицине, государственном управлении, промышленности, сфере услуг, сельском хозяйстве). Принадлежность к определенной профессии или виду деятельности должна приобрести социальное измерение, включающее готовность участников подчиняться «мягкой власти» своего сообщества, следовать принятым в нем нормам и ценностям.

В наибольшей степени современному идеалу коллектива соответствуют принципы членства в большом (социетальном) сообществе. Современный коллективизм – это прежде всего социальная солидарность. Новая современность увеличивает значение больших исторически сложившихся человеческих сообществ (наций). Политическая нация – это центр, к которому тяготеет современная личность безотносительно того, в какие промежуточные структуры она включена – гибкие сообщества или традиционные коллективы. Основу идентификации с большим сообществом образует чувство принадлежности, которое создают язык, культура и определение членства в политической нации, а также понимание включенности в соревнование государств и народов в общем пространстве развития, создаваемого глобализацией.

Продуктивный труд как центральная социальная ценность. Важное место в модернизации общественного сознания занимает реконфигурация, обновление и новое обоснование ценностей труда и потребления. Первоочередное внимание необходимо уделить восстановлению высокой социальной ценности продуктивного труда. Государственный культ труда советского времени, становившийся со временем все более бессодержательным, сменился откровенным пренебрежением или умолчанием. Между тем, в современном обществе труд, ведущий к созданию новых ценностей, – центральная жизненная норма, в соотнесении с которой приобретают общественное значение остальные виды человеческой активности.

Продуктивная занятость должна стать доминирующей социальной практикой, которую необходимо поощрять и защищать. Состояние продуктивной занятости следует признать в качестве высокой социальной ценности. Необходим новый социальный идеал – «человек работающий», «человек деятельный». Он призван вытеснить доминирующий в настоящее время идеал человека праздного, потребляющего и развлекающегося. Но ценность труда нуждается не только в восстановлении, но и в модернизации. Необходима широкая концепция труда, объединяющая все основные виды продуктивной, общественно-полезной и

социально оправданной человеческой деятельности.

Помимо трудовой деятельности в привычном понимании новая концепция труда включает ряд видов человеческой деятельности, критически необходимых в современном обществе, но лишенных в настоящее время адекватного ценностного обоснования и общественного признания. Через отнесение к труду следует придать ценностный статус творчеству, продуктивному предпринимательству, управленческому труду, а также инновационной деятельности как одному из проявлений творчества. Все они представляют собою особые разновидности сложного труда, которые требуют призвания, образования, компетенции и таланта. Они отличаются высокой продуктивностью и широко востребованы в современном сложном обществе. Эти виды человеческой деятельности должны получить социальное одобрение, а те, кто ими занимается, – пользоваться высоким общественным престижем.

В ценностном обосновании нуждается и такая общественно-полезная деятельность, как обмен. В советское время различные виды обменной деятельности, по существу, были лишены статуса ценности и замещались административным распределением и перераспределением. При ценностном обосновании обмена гораздо меньше возможности опереться на существующую традицию, оно потребует создания новой традиции. Обмен – один из наиболее фундаментальных институтов человеческой цивилизации, он возникает как составная часть организованного социального порядка. Обмен – ось отношений между людьми, основа всех остальных социальных связей: именно обмен связывает воедино большие человеческие сообщества. Но статус ценности в современном обществе обмен получает только при соответствии определенным нормативным требованиям: он должен быть добровольным (личность должна пользоваться свободой вступления в отношения обмена или отказа сделать это), взаимным (обмен должен быть обменом, а не односторонним действием) и справедливым (обмениваются сопоставимые ценности). Добровольные и гибкие человеческие сообщества, востребованные «второй» современностью для разработки и реализации общих проектов, в значительной степени основаны на обмене.

Широкая концепция труда предполагает наделение статусом ценности координацию как особый вид деятельности. Способность к постоянной координации – пропуск в современное сложное общество, которое становится возможным только благодаря постоянным усилиям по согласованию различных видов человеческих действий. Координация – особенно сложный, трудный и ценный вид деятельности, позволяющий обеспечивать совместные или согласованные действия без нарушения автономии участников. Координация представляет собой основной механизм, делающий возможным совместную работу внутри добровольных, гибких человеческих сообществ, создаваемых для реализации общих проектов. Выживание и развитие сложного общества современности напрямую определяется его способностью опознавать координацию как высокоценный вид деятельности, постоянно создавать новые – и преобразовывать уже существующие – координирующие системы различных типов.

Нормализация потребления. Подобно индивидуализму потребление в постсоветский период также превратилось в один из ведущих приоритетов общественного сознания. Но структура и функции личного потребления подверглись глубокой деформации. Значительная часть граждан, занятая на низкодоходных или неустойчивых рабочих местах, вынуждена довольствоваться минимальным уровнем потребления, отказывая себе во многом необходимом. При этом потребительский стандарт высокодоходных групп и образ жизни, характерный для знаменитостей, недостижимый для абсолютного большинства, подается и часто воспринимается как универсальный. В российском обществе потребление становится компенсаторным: перестает выполнять свои прямые функции и начинает замещать другие важные виды человеческой активности, которые стали менее доступными или утратили статус ценностей. Люди стремятся к обладанию отдельными атрибутами недостижимого стандарта или его аналогами, чтобы компенсировать отсутствие жизненно необходимых благ. Для значительной ча-

сти общества потребление превратилось в единственный источник удовлетворения жизнью, вытеснив остальные способы социального воспроизводства – труд, учебу, заботу о близких, общение с друзьями, приобщение к ценностям культуры.

Массовое потребление утрачивает связь с индивидуальным идеалом современности – полноценной самостоятельной жизнью: достойной, наполненной смыслом и вызывающей удовлетворение. Ценности, связанные с потреблением, нуждаются в модернизации. Место и субъективная значимость потребления должны быть соразмерны другим социальным ценностям – труда, накопления и социального развития личности. Это предполагает восстановление разумных и оправданных пропорций в общественном сознании. Необходима альтернативная модель потребления, которая должна быть предложена массовому сознанию и поддержана совместными усилиями государства и гражданского общества. Но альтернативная модель может быть воспринята в обществе только в том случае, если изменится структура распределения доходов и помимо потребления появятся другие привлекательные виды человеческой активности. Личность автономна по условиям современности и всю основную работу по переориентации потребительских предпочтений она может проделать только сама.

Механизм превращения конкретных благ в предмет потребления, а также его масштабов и форм, должен быть обоснован в системе массовых жизненных ценностей. Бесплатных благ не бывает: все предметы потребления имеют свою ценность. В системе социальных оценок должна быть зафиксирована аморальность воровства, присвоения чужого имущества, использование неоплаченного чужого труда, заведомый обман, неисполнение соглашений и обещаний. Позитивной оценки и одобрения удостаивается только вознаграждение, которое заслужено и оправдано социально и морально. Индивидуальное потребление происходит в социальной среде и неизбежно регулируется нормами, принятыми в данном обществе. Уровень благосостояния и развития общества определяет потребительский стандарт не только как возможный и достижимый, но и как приемлемый в моральном и социальном отношении. Демонстративная роскошь аморальна: личное потребление не должно оскорблять и унижать окружающих. Ориентация на гипертрофированное потребление – знак социального неблагополучия и должна быть адекватна оценена обществом. Целью социально одобряемого потребления следует признать не просто воспроизводство личности во всей полноте, но и создание возможностей для ее развития. Социально приемлемой нормой должно стать потребление, создающее благоприятные возможности для труда, накопления и развития.

Накопление как «новая» социальная ценность. В советский период в системе массовых жизненных ценностей доминировала упрощенная модель жизнедеятельности, ограниченная трудом и потреблением. Как и обмен, накопление было изъято из сферы официально одобренных жизненных ценностей. Личность и общество приучались к мысли, что ресурсы и ценности, составляющие национальное богатство, накапливаются только в одном месте, которое называлось государством. Накопление присутствовало в системе массовых ориентаций как периферийная жизненная ценность, лишенная права на открытое общественное одобрение. Оно было ограничено частной жизнью, практиковалось преимущественно как страховка от бедствий («на черный день»), его легальное участие в общественном производстве было затруднено.

Переход в современность – это одновременно и переход к более сложной модели жизнедеятельности, которая не только расширяет категорию продуктивного труда, но и дополняет цепочку общественно признанных видов жизнедеятельности новым звеном – накоплением, которое автономно осуществляется в различных центрах жизнедеятельности, расположенных за границами государства: в домохозяйствах, предприятиях и различных человеческих сообществах. Модернизация общественного сознания предполагает возвращение «накопления» в круг социально одобряемых жизненных ценностей. Накопление ресурсов и ценностей (здоровья, знаний, компетенции, денежных средств), которое осуществляется гражда-

нами, домохозяйствами, предприятиями и небольшими человеческими сообществами, должно быть признано общественно-полезной разновидностью человеческой деятельности, сопоставимой и соразмерной с трудом в привычном смысле этого слова. Общественное одобрение придает продуктивному частному накоплению новый социальный смысл: оно связывает повседневные жизненные практики с перспективами национального развития.

«Производство идеального» – стратегический ресурс. Модернизация общественного сознания предполагает изменение ценностного статуса особых разновидностей человеческой деятельности, занятых «производством идеального» – новых форм и новых смыслов. Фундаментальная наука, философия, теология, культура и искусство привычно относятся к категории самоценных видов деятельности: они приносят удовлетворение своим творцам, но ценить их способен лишь ограниченный круг избранных – коллеги по «цеху» и поклонники, – для остального общества они обладают только символической ценностью. Наделение общественной значимостью таких «самоценных» видов деятельности – эволюционное приобретение человечества: способность оценивать их по достоинству выступает мерилом цивилизованности конкретного общества.

На исходе XX века стало ясно: помимо символического значения эти виды человеческой активности обладают и высокой прикладной ценностью – они создают социальное пространство, питающее инновации, и обеспечивают способность к развитию. «Производство идеального» расширяет горизонты человеческой свободы: возможное определяется уже не свойствами и границами реальности, а творческой силой мысли, фантазии, воображения. Возможным становится не только практически осуществимое сегодня или в обозримом будущем, но и то, до чего вообще способна додуматься человеческая мысль, что она может представить и сконструировать в данный момент времени.

Общество, которое не создает внутри себя расширяющееся пространство для «производства идеального», не имеет будущего. Модернизация общественного сознания требует по-новому обосновать ценностный статус фундаментальной науки, теологии, культуры и искусства, к которым необходимо добавить и науки о человеке. Следует зафиксировать связь этих видов деятельности с перспективами развития большой общности. Производство новых форм и новых смыслов необходимо квалифицировать как стратегический ресурс коллективного развития и закрепить в этом новом качестве в системе общественных оценок.

Сентябрь 2010 – февраль 2011 года